

Русская армия в 1917 году: в поисках самоорганизации

Сто лет назад был прекращен демократический эксперимент в вооруженных силах

Статья Константина Тарасова продолжает цикл о политических свободах и республиканизме центра Res Publica Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Завтра Министерство обороны Российской Федерации отмечает столетний юбилей Красной армии. От этого момента, который связывается с созданием первых отрядов Советской России, ведут свое начало и современные вооруженные силы страны. В советской историографии это событие подавалось как зарождение армии нового типа, объединенной идеей защиты социалистических завоеваний. Старой армии с ее жестокой «палочной» дисциплиной беспрекословного подчинения после Октября приходит на смену другая, сплоченная общими революционными целями и осознанием своего гражданского долга.

Однако все было не совсем так. Уникальный эксперимент по созданию демократической революционной армии начался еще в феврале 1917 года. Впервые в истории России создавалась система управления вооруженными силами, основанная не на насилии, а на апелляции к гражданским чувствам защитников Отечества. Ровно через год, в феврале 1918 года, этот эксперимент был прекращен. Он закончился полным отказом от демократических начал в армии и возвращением строгой дисциплины.

Положение солдата в царской армии

В период Первой мировой войны впервые в истории России был реализован массовый призыв в армию. Огромные потери на фронтах привели к тому, что с каждым годом мобилизовывались все новые возрасты. К 1917 году людской ресурс Российской империи был практически исчерпан. Основную часть солдат, как и в целом населения страны, составляли крестьяне. Новобранцы старших возрастов, призванные в конце войны, были главами больших патриархальных

семейств, которые буквально оставались без кормильца. Трудности в деревне, о которых солдаты узнавали из писем, резко контрастировали с тем, что они сами могли наблюдать в крупных тыловых городах, Петрограде или Москве, где привилегированные сословия продолжали жить своей жизнью, как будто войны и не было. Неслучайно в 1915 году появилось стихотворение Владимира Маяковского «Вам, которые в тылу», где поэт изобличал обывателей в том, что они «измазанной в котлете губой похотливо напевают Северянина», в то время как где-то льется кровь.

Русская армия в период Первой мировой войны, несмотря на серьезные изменения, сохраняла сословную структуру. Рядовые солдаты были полностью отданы на произвол офицерскому и унтер-офицерскому составу, имевшему всю полноту дисциплинарной власти. Распространенным явлением были жалобы на немотивированные взыскания, чрезмерно строгую «палочную» дисциплину, рукоприкладство. С 1915 года в армии была возобновлена практика телесных наказаний в отношении нижних чинов.

Согласно уставу внутренней службы, рядовым солдатам было запрещено ездить внутри трамваев, посещать парки и чайные, курить на улицах. К подобным мелочным формальным ограничениям следует прибавить и неформальные запреты, унижающие человеческое достоинство: рядовые не могли ходить по тротуару, гулять под руку с дамами, держать руки в карманах. Военское приветствие с его сложным ритуалом становилось поводом для взысканий со стороны даже незнакомых воинских начальников. В крупных городах, где было много офицеров, солдат в увольнении буквально не отрывал руку от козырька.

Все это вместе с не очень ясными целями войны, известиями о неудачах на фронте, когда даже разрекламированный Брусиловский прорыв воспринимался как очередная бессмысленная мясорубка, не способствовало патриотическим настроениям военнослужащих. К середине третьего года войны наметился распад военного организма.росло число дезертирств, случаев неповиновения офицерам и дел о нарушении чинопочитания. Во многом благодаря этому в ходе февральского восстания в Петрограде рядовые солдаты довольно быстро

перешли на сторону восставших. Приказ стрелять в народ привел к выходу солдат из подчинения офицерам. Для них демонстранты были гораздо ближе, чем сторонившиеся их воинские начальники. «Первый солдат революции» Тимофей Кирпичников вспоминал, что призвал сослуживцев к выступлению словами: «Мы присягали только бить врага, но не наших родных».

Самая свободная армия в мире

Сущность «солдатского бунта» вполне укладывается в идею социальной справедливости. Эта революция человеческого достоинства выразилась в знаменитом Приказе №1 Петроградского Совета, составленном в период февральского восстания при участии представителей солдат. Один из его главных пунктов гласил: «Солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане». В разъяснении документа, которое позже дали представители Совета, говорилось: «Солдат становится гражданином, перестав быть рабом – в этом смысл приказа». В Приказе №1 говорилось и о солдатском самоуправлении. В воинских частях создавались выборные органы – комитеты. В основном места в них получили представители «солдатской интеллигенции», самые образованные и наиболее речистые. В их задачу входило решать вопросы военного быта, быть посредниками в конфликтах между нижними чинами и офицерами, вести культурно-просветительскую работу.

В первые дни революции солдаты прогнали тех офицеров, которые жестоко обращались с ними или были заподозрены в сочувствии старому режиму. Их места заняли более популярные начальники, в основном из средних слоев населения, произведенные на ускоренных курсах военного времени. При этом офицерство утратило дисциплинарную власть. Ни одно взыскание не могло быть наложено без разбирательства выборного солдатского суда.

Однако солдатское самоуправление в следующие недели сокращалось. Череду приказов о функционировании комитетов ограничились их работу только хозяйственными и культурно-просветительскими вопросами. Комитеты стали подчинены Советам, которые с их помощью стали проводить свои идеи в солдатской среде. Вместо органов солдатского

волеизъявления комитеты превращались в своеобразное ответвление «демократической власти». Они стремились ограничить стремление солдат напрямую участвовать в политической жизни. Все требования к новой власти военнослужащие должны были предъявлять при посредничестве своих выборных в Советы. Комитетчики старались умерить «солдатскую вольницу», канализировать солдатские требования в русло представительной демократии.

Появление комитетов несколько уменьшило остроту разложения армии, начавшегося еще до революции и усугубившегося после февраля. Однако анархия на фронте и в тылу нарастала. Спасти армию от распада, повысить боевой дух уставших от войны солдат можно было, если бы вчерашние крестьяне осознали смысл предоставленной им свободы так, как его видели революционные лидеры. В их речах и газетных публикациях того времени отчетливо просматривается концепция создания солдата-гражданина, который осознает свой долг перед родиной и готов защищать завоевания революции. Известие о революции должно было повысить боеспособность русской армии, солдаты которой понимали бы, во имя чего они воюют.

Наступление как общее дело

Наиболее интенсивно эта агитация началась после того, как в начале мая 1917 года военное министерство возглавил социалист Александр Керенский. Он много говорил о том, что гражданские свободы налагают на военнослужащих и обязанности. По идее военного министра солдатам предстояло превратиться из «подневольных рабов» в армию «свободных сынов Свободной России». Для этого все они должны были подчиняться новой сознательной дисциплине долга перед страной. Задача воина-гражданина состоит прежде всего в том, чтобы защищать свое отечество.

По мнению Керенского и его сторонников, вдохнуть новую жизнь в армию могло успешное наступление. Военный министр проводил много времени в разъездах по фронту, собирая митинги и призывая солдат начать активные боевые действия, когда это потребуется. В отсутствие «палочной» дисциплины и угрозы насилия армии предоставлялась свобода

воли в выборе возвращаться домой, заслужив общее порицание, или перейти в наступление и приблизить долгожданный мир.

Большой резонанс в прессе вызвал эпизод с одним из выступлений Керенского на фронте. К нему обратился солдат с вопросом: зачем ему земля и свобода, если его убьют на фронте? Керенский обратился к командиру полка со словами: «Отошлите его в деревню, опубликуйте в приказе, что революционной армии не нужны трусы». Военный министр надеялся, что таких «трусов» найдется в армии меньшинство.

Еще одним направлением концепции солдата-гражданина стала инициатива по созданию батальонов из добровольцев тыла. По мысли инициативной группы революционно настроенных офицеров, создание таких воинских частей должно было вселить в солдат на фронте мысль, что вся Россия оказывает им поддержку в общей борьбе. Фактически речь шла о создании новой армии, которая была призвана продемонстрировать идеи новой дисциплины долга. В нее должны были войти все, кто по каким-то причинам был освобожден от несения воинской службы. Идея вызвала отклик. На пункты записи добровольцев приходили гимназисты, студенты, рабочие и даже инвалиды. Наиболее известными такими воинскими частями стали женские батальоны, первый из которых был создан Марией Бочкаревой.

Организаторы добровольческой кампании считали, что даже небольшое число волонтеров, готовых «умереть за свободу и родину», лучше, чем распадающаяся многомиллионная армия. В памятке добровольцев революционной армии подчеркивалось, что при проявлении трусости или другого недостойного поведения они подвергнутся остракизму, будут объявлены врагами народа и изгнаны из рядов армии, с извещением через печать их имен. Батальоны добровольцев получали особые знаки различия – погоны с изображением черепа и костей (символ бессмертия) и нашивки с красным кругом, перекрещенным черными полосами Андреевского креста, означавшие готовность умереть для защиты революции.

На практике же эффект оказался иным. Инициатива по созданию таких воинских частей очень часто воспринималась негативно даже со стороны патриотически настроенных солдат. Многих из них оскорбляло то, что

женщин и инвалидов считают более боеспособными, чем их. Кроме того, солдаты-добровольцы часто использовались для борьбы с дезертирством, приведения в подчинение солдат, отказывавшихся наступать, для различных карательных экспедиций. Дурная репутация таких воинских частей привела к тому, что командованием было принято решение временно прекратить их создание.

«Буржуи, в окопы!»

Агитационная кампания в поддержку наступления имела противоречивый результат. С одной стороны, 18 июня русская армия перешла в наступление, несмотря на то что командование в этот период действовало лишь уговорами, не угрожая насилем. Значительную роль в этом сыграли члены солдатских комитетов, проводивших разъяснительную работу среди солдат. С другой стороны, в некоторых воинских частях на передовой и в тылу было заметно сопротивление активным действиям на фронте. На различных участках стали возникать проблемы с выполнением приказов. Комитеты вынуждены были переключиться в своей деятельности на решение этих проблем. Это подрывало доверие к ним со стороны солдат. Вместе с тем росла поддержка оппозиционных политических партий во главе с большевиками, выступавших против активных действий на фронте.

Проблемы возникли и с теми солдатами, которые восприняли риторику общих усилий в наступлении. В головах многих из них она смешалась с идеей социальной справедливости и дала неожиданный результат. Фронтовики, оказавшиеся после ранения в тылу, считали, что они уже пролили кровь за родину, поэтому в первую очередь на передовую должны отправиться те, кто еще там не бывал. Под их влиянием на фронт отправили новобранцев и кадровый состав запасных воинских частей, который с начала войны занимался обучением новых пополнений для фронта, а также жандармов и полицейских, арестованных в ходе февральского восстания.

Кроме того, среди солдат раздавались требования отправить на фронт священников, рабочих, всех, кто наживался на войне и призывал к наступлению. Стихийно появился лозунг «Буржуазия, в окопы!», под

которым не готова была подписаться ни одна политическая партия. В нем содержалась своеобразно понимаемая идея совместных усилий всей страны для победы в войне. Проблема «внутреннего врага» для солдат была не менее, а может быть, даже более актуальна, чем опасность врага внешнего. По многочисленным солдатским письмам видно, что большое недовольство вызывали «мародеры тыла», обогащавшиеся благодаря войне. Вместе с тем солдат заботило и ухудшение положения их семей в тылу.

Можно привести одно из характерных писем фронтовиков, направленных военному министру Керенскому. Они требовали скорейшего окончания войны. В противном случае солдаты угрожали «забрать свои ружья и отправиться к своим очагам спасать от голодной смерти (которая близка) своих отцов, матерей, жен и детей». Они писали, что готовы умереть за это, вместо того чтобы оставаться в окопах и быть убитыми. Можно говорить о сосуществовании двух видов солдатского патриотизма: защиты родины на фронте и защиты родных в тылу.

Самоуправляющаяся армия и ее конец

Июньское наступление закончилось провалом, что существенно подорвало позиции сторонников продолжения войны. Рассчитывать на возобновление военных действий не приходилось. Многие комитеты перестали пользоваться поддержкой. Поскольку выразить свой протест через своих представителей солдаты не могли, им пришлось искать новые способы самоорганизации. Еще во время подготовки наступления активная часть солдат стала проводить общеполковые собрания и митинги, где каждый мог высказать свою точку зрения. С их помощью удавалось добиться переизбрания комитетов. Очень часто в новые комитеты попадали представители леворадикальных партий, в том числе большевики, поддерживавшие расширение солдатского самоуправления. Общеполковые собрания становились институтами прямой демократии, где военнослужащие могли добиться реализации своей свободы волеизъявления.

В сложившейся кризисной ситуации правительство склонялось к сворачиванию солдатской демократии. Единственный выход вернуть управляемость армией виделся в возвращении строгой дисциплины и полновластия офицерства. Высший генералитет обсуждал необходимость полного запрета самоуправления. На фронте была восстановлена смертная казнь. Эти меры лишь усугубили недовольство солдат. После истории с корниловским выступлением и попыткой установления военной диктатуры в августе 1917 года леворадикальные партии во главе с большевиками уже могли рассчитывать на поддержку солдат в своей борьбе с правительством. Обещание скорейшего мира стало главным условием для такого союза.

Октябрьский переворот очень часто воспринимается как рубеж, после которого история начинается с новой страницы. В отношении армии такая интерпретация неверна. Демократизация армии, начавшаяся еще в феврале, после октября была доведена до своего логического конца. Это был шаг со стороны новых властей навстречу требованиям солдат о реальном самоуправлении. Произошла ротация представителей в советах и комитетах, стерты различия между офицерством и рядовыми солдатами, должности начальников стали полностью выборными, и их мог занять любой военнослужащий, комитеты получили очень широкие полномочия, и даже комиссары, которые изначально назначались из центра, становились выборной должностью. Особое значение в этих процессах стали иметь общие собрания воинских частей, сообща решавшие все вопросы внутренней жизни. Без их согласия новые власти не могли проводить свои решения в солдатской среде. Фактически армия стала самоуправляющейся.

Однако выполнение обещания заключения скорейшего мира наталкивалось на определенные трудности. К декабрю 1917 года стало очевидно, что мирные переговоры в Брест-Литовске заходят в тупик. Возникла угроза возобновления боевых действий на фронте. Членам комиссариата по военным делам Совета народных комиссаров было очевидно, что рассчитывать на фронтовиков, стремившихся поскорее вернуться домой, не приходится. Возникла идея формирования новых вооруженных сил страны – Красной армии. По мысли политиков, армия

должна была строиться на принципах добровольчества и комплектоваться за счет рабочих и солдат тыловых гарнизонов. Одновременно проходила демобилизация старших возрастов, которые были наименее боеспособны.

Парадокс заключается в том, что аналогичную большую реформу готовил Керенский в октябре 1917 года, незадолго до переворота.

Добровольческую народную армию планировалось сформировать к весенней кампании 1918 года. В итоге этот план реализовывали уже новые власти. Принципы новой армии основывались на тех же идеях гражданственности, что и в предыдущий период. В декрете об уравнивании всех военнослужащих в правах говорилось, что «армия Российской республики отныне состоит из свободных и равных друг другу граждан, носящих почетное звание солдат революционной армии». Новый главнокомандующий Николай Крыленко в своем приказе обосновывал идею добровольчества: «Никаких принуждений при записи в эти полки. Те, кто не может, не чувствует в себе силы идти на эту борьбу, – пусть не идут. Нам нужна революционная армия бойцов, а не армия тех, кто думает только о своей хате». Доброволец Красной армии давал клятву «на верность народу и идеям социализма».

Однако запись в добровольческие отряды Красной армии не вызвала того отклика, на который рассчитывали большевики и их союзники. Более того, при обсуждении вопроса о выделении новых отрядов из запасных воинских частей солдаты с большим энтузиазмом шли не на внешний фронт, а на внутренний, на фронты Гражданской войны. Защита революции от внутреннего врага для солдат казалась более актуальной задачей.

Добровольчество быстро растрачивало ресурсы наиболее лояльных новой власти солдат. Отправка красноармейцев на внутренние фронты и частичная демобилизация сделала невозможным полностью заменить старую армию только волонтерами. Даже после провала брест-литовских переговоров, когда началось германское наступление февраля 1918 года, с большим трудом в Петрограде и окрестностях удалось собрать отряды для защиты столицы. Двадцать первого февраля Совет народных комиссаров опубликовал воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», но

лишь 23 февраля первые эшелоны добровольцев выдвинулись из Петрограда на фронт.

Скромный успех кампании записи в Красную армию имел значительные последствия. После заключения мирного договора с Германией старая армия была полностью демобилизована. Новая армия должна была стать регулярной, централизованной и комплектоваться на основе обязательной воинской повинности. Выборное начало было отменено, солдатское самоуправление ликвидировано, возвращена строгая дисциплина.

По сути, 23 февраля 1918 года стало началом конца демократического эксперимента. Самоуправляющаяся армия оказалась не нужна новому государству. Ею сложно было управлять в условиях, когда так сильно было стремление солдат вернуться к мирной жизни. Требовалось гораздо больше времени, чтобы распространить идеи гражданского долга среди политически неискушенных крестьян. Для большинства из них родина находилась далеко от линии фронта. Защищать завоевания революции они готовы были в своих деревнях и селах. Именно этим и объясняется возникновение «зеленого движения» в Гражданской войне.

Предыдущие статьи цикла

Горизонталь власти. Республиканские традиции Древней Руси

Свобода не там. Есть ли у России республиканское будущее?

Нетайное общество. История заговора декабристов придумана следователями

[Жребий вместо выборов. Есть ли альтернатива представительной демократии?](#)

Дела большие и малые. Как начать думать о своем городе

Константин Тарасов

Научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН